

1
97
Hv
Многоуважаемому Михаилу Александровичу
Ивилькину
от А. Лукина

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

517/6

1-ый Ленинградский
Юридический институт
БИБЛИОТЕКА

6942

СПбГУ

Политическія ученія въ Англіи въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX вѣка.

Хотя представители политической мысли XVIII вѣка въ Англіи и пользуются меньшей извѣстностью, чѣмъ ихъ французскіе современники, однако изъ этого факта не слѣдуетъ заключать, что послѣ двухъ революцій XVII вѣка англійская общественная жизнь впала въ долгій сонъ и прекратилась работа политической мысли. Въ теченіе XVIII вѣка въ Англіи шла хотя и незамѣтная, но важная политическая работа: складывалась кабинетная система правленія, и парламентаризмъ принялъ ту форму, въ которой онъ впоследствии сталъ извѣстенъ и былъ воспринятъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ; построена была конституціонная

Пособія. Исторія политическихъ теорій въ Англіи въ XVIII вѣкѣ мало подвергалась изученію и изложенію въ цѣломъ, поэтому трудно указать, — въ особенности на русскомъ языкѣ. — общія и болѣе или менѣе популярныя сочиненія, посвященныя этому вопросу. Для изученія политической мысли этого періода единственное средство — обращаться къ произведеніямъ самихъ представителей политической мысли XVIII вѣка и къ монографіямъ, изучающимъ отдѣльныхъ авторовъ, — Боллинброка, Юниса, Юма, Годвина, Бентама и т. д. Изъ общихъ сочиненій можно указать особенно на слѣдующія: *Twiningъ, Исторія политическихъ учений*, часть 3, Москва, 1874 г. Хотя въ этомъ обширномъ и капитальномъ сочиненіи и нѣтъ связной и полной истории спеціально англійскихъ политическихъ ученій, однако въ немъ имѣется очень добросовѣстное, подробное и точное изложеніе доктринъ Гучисона, Фергюсона Юма, Пэна, Борка и Бентама. *Leslie Stephen, History of english Thought in the XVIII Century*, vol. II, London, 1876. Лучшее сочиненіе, изучающее англійскую идеологию XVIII вѣка. Хотя оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ исторію философской мысли, однако во второмъ томѣ помѣщена прекрасная обширная глава, обнимающая англійскія политическія ученія XVIII вѣка въ цѣломъ. *E. Halevy, La formation du radicalisme philosophique*, 3 vol., P., 1904. Подробное и самостоятельное изложеніе доктринъ Бентама въ связи съ общей умственной политической атмосферой второй половины XVIII вѣка и начала XIX вѣка.

теорія, и возникла радикально-демократическая партія. Хотя англійскія политическія доктрины этой эпохи и не оказали того мірового вліянія, какое произвели французскія теоріи XVIII вѣка, однако въ нихъ было много глубокой философской мысли, здравого смысла и вѣрнаго пониманія природы политическихъ явленій: — и онѣ до сихъ поръ не потеряли теоретическаго интереса, не говоря уже объ ихъ историческомъ значеніи въ развитіи англійской общественности.

I. Конституціонно-монархическія теоріи.

Главное политико-философское наслѣдіе, полученное англійской политической мыслью отъ XVII вѣка, заключалось въ теоріяхъ Локка. У Локка черпали послѣдующіе писатели идею естественныхъ правъ свободы и собственности, неотчуждаемо принадлежащихъ всѣмъ людямъ; у него они находили ученія о происхожденіи государства изъ общественнаго договора, о цѣляхъ государства, сводящихся къ лучшей охранѣ естественныхъ правъ свободы и собственности, о предѣлахъ государственной власти, опредѣляемыхъ правильнымъ отношеніемъ указанной цѣли, о правѣ на сопротивленіе въ случаѣ правительственнаго гнета и нарушенія естественныхъ правъ; отъ Локка они брали ученіе объ ограниченной монархіи и о раздѣленіи законодательной и исполнительной властей, какъ гарантіи свободы; наконецъ, у него же они занимались доводами въ пользу религіозной терпимости и возможности отдѣленія государства отъ церкви.

Локкъ.

Политическая исторія Англій въ XVIII вѣкѣ представляетъ собою борьбу двухъ партій, — виговъ и тори; вначалѣ, въ царствованіе королевы Анны, во взаимномъ положеніи этихъ партій была нѣкоторая неустановленность, по сѣ вѣдѣніемъ на престолъ Георга I (въ 1714 г.), призваннаго вигами, началось господство виговъ, продолжавшееся непрерывно около 45 лѣтъ, до вѣдѣнія Георга III, въ 1760 году. Съ вѣдѣніемъ же на престолъ Георга III господство виговъ смѣнилось продолжавшимися около десяти лѣтъ колебаніями, пока, наконецъ, въ 1770 году лорду Норту не удалось составить торійскаго министерства. Господство торіевъ прервано было на короткое время въ 1782 году, вслѣдствіе вызваннаго американской войной кризиса, но, послѣ пораженія коалиціоннаго министерства, было скоро возстановлено и продолжалось до самой эпохи билля о реформѣ 1832 года.

Виги и
тори.

Виги въ теоріи были сторонниками той правительственной системы, по которой въ государствѣ должна господствовать выраженная черезъ посредство парламента народная воля, а монархическая власть должна быть подчинена ограниченіямъ, которыя ей будутъ указаны этой народной волей. Виги боролись противъ теоріи божественнаго права за принципъ парламентской власти, какъ основы трона, и за право народа низлагать династію, переступающую границы конститудіи.

Тори въ большинствѣ являлись въ теоріи сторонниками божественнаго права королей, считали грѣхомъ всякое сопротивленіе королевской власти и саму власть парламента разсматривали, какъ подчиненную власти законно-царствующаго короля.

Но это были лишь общіе теоретическіе принципы, отъ которыхъ на практикѣ и та и другая партія, въ зависимости отъ степенія политическихъ обстоятельствъ, часто отступали, и виги, находясь во власти, нерѣдко отставали мѣры, отвѣчавшія скорѣе торійскимъ принципамъ, а тори, находясь въ оппозиціи, становились сплошь и рядомъ на вигскую точку зрѣнія. Характернымъ принципомъ торизма являлось ученіе о пассивномъ повиновеніи и неприкосновенномъ правѣ монарха; но это было лишь абстрактное положеніе, и на практикѣ тори нисколько не боялись дѣйствовать вопреки этимъ принципамъ. Въ концѣ-концовъ тори можно было опредѣлить, какъ человѣка, который предалъ монархіи, не отказываясь отъ идеала свободы, вигъ, какъ человѣка, который любитъ свободу, не отказываясь отъ монархіи.

Обѣ политическія партіи никогда не были въ Англіи врагами государства, а лишь сторонниками различнаго способа управленія государствомъ. Такъ на это смотрѣли и сами англичане; Юмъ, напр., писавшій въ половинѣ XVIII в., считалъ, что и тори и виги законны и полезны, однако только подъ условіемъ сдерживанія своимъ противникомъ, ибо въ отдѣльности каждая партія представляетъ лишь крайнюю доктрину, имѣющую относительную пользу и цѣнность.

**Болинг-
брокъ.**

Яркій образецъ того, какой радикальный отгѣнокъ могла получать торійская доктрина, даютъ сочиненія Генри Джона Боллингброка (1678—1751). Боллингброкъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся и блестящихъ политиковъ своего времени. По связямъ своимъ онъ принадлежалъ къ торійской партіи; во время заключенія Утрехтскаго мира, закончившаго войну за испан-

ское наследство, онъ, въ качествѣ министра, пріѣзжалъ въ Парижъ для тайныхъ переговоровъ по поводу прелиминарныхъ статей мира. Въ этихъ переговорахъ Болингброкъ игралъ активную и видную роль. Будучи натурой честолюбивой и безпокойной, Болингброкъ принялъ участіе въ заговорѣ якобитовъ, стремившихся возвести на англійскій престолъ сына Якова II Стюарта, и съ этой цѣлью поднявшихъ въ 1714 году возстаніе въ Шотландіи. Когда виги поторопились послѣ смерти королевы Анны призвать въ Англію Ганноверскую династію, Болингброкъ въ числѣ другихъ вождей торійской партіи принужденъ былъ, спасаясь, бѣжать во Францію, гдѣ онъ тотчасъ же привлекъ къ себѣ всеобщія симпатіи и сдѣлался центромъ вниманія самыхъ разнородныхъ круговъ. Во время господства Вальпола Болингброкъ получилъ возможность вернуться въ Англію; но парламентъ лишилъ его права засѣдать въ палатѣ лордовъ, хотя это право принадлежало ему въ силу его парекаго достоинства. Тогда Болингброкъ сталъ писать политическіе памфлеты и воззванія, нападая на Вальпола. Современникъ его, Свифтъ, характеризуетъ его, какъ обладающаго «умомъ, большими способностями, красотой, быстротою пониманія, обширнымъ образованіемъ и прекраснымъ вкусомъ, какъ выдающагося оратора въ палатѣ общинъ, удивительнаго собесѣдника, съ хорошимъ характеромъ, прекрасными манерами, благороднаго и презирающаго деньги».

По своему философскому направленію Болингброкъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ французскаго просвѣщенія XVIII вѣка. Близкій другъ Вольтера, онъ и писалъ въ духѣ Вольтера. Часто съ довольно большимъ легкомысліемъ и въ шутовскомъ тонѣ писалъ онъ о Богѣ, о церкви и государствѣ, нападая на положительныя религіи въ особенности указаніями на практическія злоупотребленія, наблюдаемая въ церковныхъ организаціяхъ. Стилъ его сочиненій былъ легкимъ, остроумнымъ и насмѣшливымъ, совершенно въ пронической манерѣ французскихъ энциклопедистовъ. Эта пронія его оказала большое разрушительное вліяніе на многіе застарѣвшіе предрасудки, въ особенности въ области исторической науки.

Изъ его политическихъ сочиненій наибольшее значеніе имѣли *Замѣтки объ англійской исторіи* (1731 года), *Разсужденіе о партіяхъ* (1734 г.) и *Письма о патріотизмѣ* (1738 г.), вторая часть которыхъ издана была и отдѣльно подъ заглавіемъ *Идея Короля - Патріота*.

Его политическія воззрѣнія.

Политическія воззрѣнія Болингброка, какъ и его политическая дѣятельность, на первый взглядъ представляются нѣсколько неопредѣленными. Будучи торіемъ и сторонникомъ изгнанной династіи Стюартовъ, Болингброкъ, однако, со страстью истаго вигъ нападалъ на абсолютистскіе принципы Стюартовъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ торійской доктрины пассивнаго повиновенія подданныхъ и божественнаго права королей. Теорія божественнаго права, по его словамъ, настолько нелѣпа, что она смутила бы здравый смыслъ самоѣда или готтентота. Но не раздѣляя надеждъ, возлагавшихся торіями на утверженіе абсолютной власти королей, Болингброкъ былъ чуждъ и оптимистическаго довѣрія виговъ къ англійской конституціи. Особенно его возмущала современная ему политическая развращенность, партійная и избирабельная подкупность, глубоко проникшая во все слои англійскаго общества и мелкое торгашество интересовъ на политической аренѣ. Въ качествѣ средства борьбы противъ этой подкупности, онъ предлагалъ уничтожить постоянныя арміи и сдѣлать парламенты не семилѣтними, а трехлѣтними и даже годовичными. Демократія и тиранія одинаково были далеки отъ политическихъ идеаловъ Болингброка.

Болингброкъ исходилъ въ своихъ построеніяхъ изъ идеи первоначальнаго договора, лежащаго въ основѣ государства. «Англійская конституція является въ самомъ строгомъ смыслѣ слова сдѣлкой, условнымъ договоромъ между княземъ и народомъ и между народными представителями и народомъ въ цѣломъ». Всякая власть, слѣдовательно, имѣетъ народное происхожденіе; воля народа, заключившаго первоначальный договоръ, опредѣляетъ конституцію государства. Люди обладаютъ естественнымъ правомъ свободы и они должны оберегать эту свободу. Свобода политическая состоитъ въ томъ, что законы издаются съ согласія народа и правильнымъ образомъ приводятся въ исполненіе.

Особенно интересенъ анализъ Болингброка англійской конституціи. Здѣсь въ вопросѣ о раздѣленіи властей законодательной, исполнительной и судебной, въ ученіи о необходимости взаимной независимости короля, палаты лордовъ и палаты общинъ для равновѣсія властей, для ихъ взаимнаго сдерживанія и для обезпеченія свободы, Болингброкъ является ближайшимъ предшественникомъ Монтескье, и прямое вліяніе его на знаменитаго автора «Духа Законовъ» несомнѣнно. «Англійская конституція, — пишетъ Болингброкъ въ *Разсужденіи о партіяхъ*, — является догово-

Анализъ англійской конституціи.

ромъ между княземъ и народомъ. Чтобы этотъ договоръ не могъ быть разорванъ ни княземъ ни народомъ, законодательная или верховная власть передана нашей конституціей тремъ властямъ, изъ которыхъ одну представляетъ король. Только благодаря этой смѣси властей..., скомбинированныхъ въ единую систему и уравновѣшивающихъ одна другую, наша свободная конституція сохранилась въ теченіе такого долгаго періода». Это ученіе о «равновѣсіи сторонъ въ ихъ взаимной независимости другъ отъ друга», имѣющееся въ своихъ основныхъ чертахъ уже въ сочиненіяхъ Локка, впервые утвердилось въ политическихъ доктринахъ благодаря той борьбѣ, которую велъ за него Болингброкъ.

Ученіе о раздѣленіи властей соединилось у Болингброка съ умѣреннымъ монархизмомъ. Король, въ его теоріи, является высшимъ должностнымъ лицомъ, имѣющимъ отрицательный голосъ въ законодательствѣ. Онъ — носитель исполнительной власти и обладаетъ, кромѣ того, нѣкоторыми другими правами и привилегіями, такъ называемыми прерогативами. Обѣ палаты парламента приготавливаютъ и принимаютъ законопроекты или отвергаютъ представленные имъ билли, составляютъ всеподданнѣйшіе адреса, выражаютъ порицаніе правительству. «Высшая судебная власть принадлежитъ лордамъ, общинамъ же надлежитъ судить объ общественныхъ расходахъ и давать необходимыя денежныя ресурсы. Если бы законодательная власть вмѣстѣ съ исполнительной была цѣликомъ отдана въ руки короля, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ, то король былъ бы абсолютнымъ королемъ; если бы она была отдана лордамъ, то англійское правленіе было бы аристократическимъ; если бы — общинамъ, то — демократическимъ. Именно, это раздѣленіе властей и привилегій, отдѣльно предоставляемыхъ королю, лордамъ и общинамъ, и составляетъ ограниченную монархію. Если бы какая-нибудь изъ трехъ частей, составляющихъ наше правительство, захотѣло узурпировать власть, то двѣ другія могутъ, соединивши свои силы, ввести ее въ ея настоящія границы. Даже если бы двѣ составныя части правительства захотѣли соединиться, для цѣлей узурпаціи, то вліяніе третьей можетъ, по крайней мѣрѣ, задержать зло и дать времени случай помѣшать такому результату. Въ этомъ, именно, и заключается то равновѣсіе, о которомъ столько говорили, и то приложеніе, которое ему должно быть дано. Это согласнo и съ здравымъ смысломъ и это подтверждается опытомъ». Не зная автора этихъ строкъ, легко можно было бы ошибиться и

Королев-
ская
власть.

приписать ихъ Монтескье; такъ онѣ напоминаютъ его разсужденія въ XI книгѣ «Духа Законовъ». Король, по мысли Болингброка, является только высшимъ официальнымъ лицомъ въ государствѣ; власть его поκειται не на божественномъ источникѣ, а на народной волѣ. Но роль его въ государствѣ велика: кромѣ того, что исполнительная власть находится въ его рукахъ, на него возлагается высокая миссія быть высшимъ третейскимъ судьей надъ партіями, такъ какъ раздѣленіе на партіи ослабляетъ государство и партійная борьба вредна и полна отрицательныхъ сторонъ, то король («король - патриотъ», по выраженію Болингброка), долженъ стоять выше партійныхъ раздѣленій и назначать министрами способныхъ, честныхъ и даровитыхъ людей, невзирая на то, къ какой партіи они принадлежатъ.

Болингброкъ особенно стоялъ за чистоту конституціи, защищая свободу и честность выборовъ; онъ и противъ партіи вигговъ возставалъ, главнымъ образомъ, потому, что она не уважала на практикѣ ни правъ короны, ни привилегій подданныхъ. Однако въ убѣжденіяхъ Болингброка не было ничего революціоннаго, онъ съ недовѣріемъ относился къ республиканскимъ стремленіямъ нѣкоторыхъ вигговъ, крѣпко держался за монархическій принципъ и лишь желалъ вдохнуть въ монархію новый духъ—политическую честность, добродѣтель, патриотизмъ. Въ лицѣ Болингброка воплотился яркій типъ убѣжденнаго представителя конституціонно-либеральныхъ идей повѣйшаго англійскаго образца¹⁾.

„Духъ Законовъ“
Монтескье.

Англійская политическая мысль, какъ она вылилась въ литературную форму въ произведеніяхъ Локка и Болингброка, оказала прямое вліяніе на *Духъ Законовъ* Монтескье (1784 г.). Но высказанія Локкомъ и Болингбромомъ идеи объ относительномъ характерѣ политическихъ формъ, о преимуществахъ умѣренной монархіи и смѣшанной формы правленія, о раздѣленіи властей, какъ главной гарантіи разумной гражданской свободы, о громадномъ значеніи общаго духа народа въ сохраненіи политическаго здоровья, были повторены Монтескье въ гораздо болѣе талантливой, блестящей и глубокой формѣ, что и заставило послѣдующія поколѣнія забыть болѣе раннія сочиненія Болингброка. Удивительное и глубокомысленное произведеніе Мон-

1) Гучисонъ. На ряду съ Болингбромомъ въ числѣ политическихъ мыслителей въ первую половину XVIII вѣка въ Англии долженъ быть упомянутъ и основатель шотландской школы моральной философіи Франсисъ Гучисонъ (1694—1747). Въ своихъ политическихъ взглядахъ онъ непосредственно примыкалъ къ Локку.

тескѣ впервые съ необычайной ясностью самимъ англичанамъ выяснило философско-политическую сущность англійской конституціи и оказало глубочайшее и рѣшительное вліяніе на послѣдующую англійскую политическую мысль. Это вліяніе мы находимъ и въ *Комментаріяхъ къ законамъ Англии* Блекстона, и въ сочиненіяхъ Фергюсона, и въ *Письмахъ Юніуса*.

Въ особенности это вліяніе политическихъ идей **Монтескье Блекстонъ** сказалося на ученіи знаменитаго англійскаго юриста Вильяма Блекстона (1723—1780). Приобрѣтя громадныя практическія юридическія знанія въ качествѣ адвоката, члена парламента и верховнаго судьи, Блекстонъ свою политическую доктрину изложилъ въ лекціяхъ по англійскому праву, которыя онъ началъ читать въ Оксфордскомъ университетѣ съ 1751 г. и которыя напечатались подъ заглавіемъ *Комментаріи къ законамъ Англии* (1765—1769).

Блекстонъ вполнѣ воспринялъ идеи Монтескье о раздѣленіи властей, ихъ равновѣсіи и взаимномъ сдерживаніи. Подобно Монтескье, онъ полагалъ, что народъ не можетъ управлять самъ собой и долженъ выбирать представителей для изданія законовъ. Его анализъ англійской конституціи чрезвычайно близко напоминаетъ страницы *Духа Законовъ*. При всѣхъ тираническихъ правленіяхъ власть издавать законы и ихъ исполнять принадлежитъ одному человѣку или одному учрежденію. Всякій разъ, какъ эти двѣ власти соединены вмѣстѣ, нѣтъ общественной свободы. При подобномъ правленіи правитель издастъ тираническіе законы и исполняетъ ихъ тиранически, такъ какъ онъ одновременно и законодатель и исполнитель и имѣетъ и для того и для другого всю власть, какую ему угодно имѣть. Но въ государствѣ, въ которомъ законодательная власть отдѣлена отъ исполнительной, законодательная власть не даетъ власти исполнительной той силы, которая можетъ оказаться во вредъ ея собственной независимости и гражданской свободѣ. Дабы сохранить уравновѣщенность въ конституціи, необходимо, чтобы исполнительная власть была вѣтвью законодательной, а не сливалась въ одно цѣлое съ нею. Поэтому англійская конституція надѣлила исполнительную власть тою долею участія въ законодательствѣ, которая состоитъ скорѣе по власти отвергать законопроекты, чѣмъ во власти опредѣлять ихъ содержаніе. Истинное превосходство англійской формы правленія состоитъ въ томъ, что ея составныя части взаимно сдерживаютъ другъ друга въ законодательствѣ. Народъ есть тормозъ для знати,

Анализъ
англійской
конститу-
ціи.

а знать — для народа, вельдствие обоюдной привилегіи, по которой одинъ можетъ отвергнуть то, что другой предлагаетъ, въ то время какъ король, сдерживая обѣ части, защищаетъ исполнительную власть противъ всякаго рода узурпаціи. Подобно тому, какъ въ механикѣ всякая машина, движимая тремя различными пружинами равной силы, но въ трехъ различныхъ направленіяхъ, имѣетъ движеніе сложное и въ то же время общее для этихъ направлений; точно также три вѣтви законодательства, хотя движимыя противоположными страстями, соединяются, чтобы создать счастье и обезпечить свободу государства. Различіе ранговъ и достоинствъ необходимо во всякомъ хорошо управляемомъ государствѣ. Но аристократическое учрежденіе еще болѣе необходимо въ новѣйшей конституціи, чтобы поддержать права короля или народа. Такъ какъ знатные титулы необходимы въ государствѣ, то тѣ, кто владѣетъ ими, должны составлять независимую вѣтвь законодательства. Если бы они были слиты съ пародной палатой, ихъ привилегіи скоро были бы унесены народнымъ потокомъ. Въ свободномъ государствѣ всякій гражданинъ, входящій въ него, долженъ, нѣкоторымъ образомъ, быть своимъ собственнымъ правителемъ. Въ государствѣ, столь значительномъ, какъ англійское, имѣетъ силу очень мудрое постановленіе, чтобы граждане дѣйствовали черезъ своихъ представителей; но отъ избирателей требуется при этомъ обладаніе извѣстной собственностью, дабы исключить изъ выборовъ тѣхъ, кого вельдствие ихъ низменнаго состоянія можно подозрѣвать въ отсутствіи собственной воли.

Блекетонъ при жизни своей пользовался необычайнымъ авторитетомъ въ англійскомъ обществѣ, и его идеи оказали настолько глубокое вліяніе на современниковъ, что Дайси считаетъ возможнымъ назвать тридцатилѣтній періодъ между 1760 и 1790 годами эпохою Блекетона. Основнымъ тономъ этой эпохи было чувство политическаго оптимизма, безусловнаго довольства и патріотической гордости, что являлось естественнымъ послѣдствіемъ утвержденія англійскаго могущества и удачнаго разрѣшенія долгаго революціоннаго кризиса. Съ какимъ неограниченнымъ оптимизмомъ, характеризующимъ всю эту эпоху, смотрѣлъ на англійскую конституцію Блекетонъ, можно видѣть изъ слѣдующей его тирады: «Трудно въ достаточной и должной степени воехвалить конституцію, столь мудро согласованную, столь крѣпко устроенную, столь совершенно законченную; внимательный и тщательный

анализъ этой конституціи будетъ ея наилучшимъ панегирикомъ. Цѣлью нашихъ комментаріевъ было изслѣдовать ея твердыя основы, выдвинуть ея широкое очертаніе, объяснить употребленіе и распредѣленіе ея различныхъ частей и показать изящныя пропорціи цѣлаго въ гармоническомъ взаимодействіи этихъ частей. Мы при этомъ анализѣ конституціи постоянно имѣли случай удивляться въ ней и благороднымъ памятникамъ древней простоты, и самымъ любопытнымъ уточненностямъ современнаго вкуса. Отъ насъ, правда, не ускользнули и ея недостатки, ибо и у нея есть недостатки; словно судьба боялась, чтобы люди не были введены въ соблазнъ смотрѣть на нее, какъ на нечеловѣческое твореніе; но эти недостатки проносятся, главнымъ образомъ, отъ дѣйствія времени или отъ страсти къ неловкимъ улучшеніямъ, проявленнымъ въ недавнія эпохи. Поддержатъ, исправить и украсить это зданіе, — вотъ задача, падающая на лордовъ и на лицъ, посылаемыхъ страною въ парламентъ. Охрана британской свободы есть падающій на нихъ долгъ въ отношеніи къ самимъ себѣ, ибо они ею пользуются; въ отношеніи къ предкамъ, ибо предки ее имъ передали; въ отношеніи къ потомству, ибо оно потребуетъ отъ нихъ эту свободу, какъ наилучшее и наиблагороднѣйшее послѣдіе челоуѣчества». Эта свобода и эти совершенства конституціи казались Блекетону не новымъ приобрѣтеніемъ благодаря недавнимъ реформамъ, а давнишнимъ, исконнымъ достояніемъ англійскаго народа, и сами революціи, потрясшія Англію въ XVII вѣкѣ, разсматривались не какъ разрушеніе стараго порядка и созданіе новаго, а какъ возстановленіе прежней традиціи, нарушаемой новаторскими поползновеніями Стоартовъ. Изъ политическаго оптимизма у Блекетона, какъ и у всей старой партіи виговъ, къ которой онъ принадлежалъ, вытекалъ конституціонный и либеральный консерватизмъ¹⁾.

Либерально-конституціонная теорія англійскаго парламентаризма осталась господствующей въ Англіи и ея вліяніе сохраняется до самаго послѣдняго времени. Однако уже во второй половинѣ XVIII вѣка отъ нея отдѣлились слѣва и справа два враждебныя теченія — демократическій либерализмъ и консерватизмъ. И то и другое теченіе нѣкоторымъ образомъ связаны

1) Фергюсонъ. Къ школѣ Монтескье можетъ быть причисленъ на ряду съ Блекетономъ и профессоръ этики въ Глазго Адамъ Фергюсонъ (1724—1816), одинъ изъ представителей шотландской школы моральной философіи. Фергюсонъ былъ страстнымъ защитникомъ принципа свободы.

были, философски, съ новымъ утилитарнымъ направлениемъ, зародившимся въ английской моральной философіи. Не удивительно поэтому, что философъ, впервые выдвинувшій въ ученіи о нравственности и правѣ принципъ пользы, Давидъ Юмъ (1711—1776), занялъ особое мѣсто въ исторіи английской политической мысли.

Юмъ.

Будучи надѣленъ громаднымъ умозрительнымъ гениемъ, Юмъ¹⁾ сдѣлался однимъ изъ величайшихъ философовъ, когда-либо существовавшихъ; главное его значеніе — въ области теорій знанія, гдѣ онъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Канта. Что касается сферы практической философіи, то здѣсь скептицизмъ Юма одинаково былъ разрушительнымъ и для матеріалистическаго и для религіознаго догматизма. Юмъ былъ врагомъ чисто рационалистическихъ и математическихъ построений въ этикѣ и правѣ; и религію, и мораль, и право онъ понималъ какъ историческія явленія. Эта историческая точка зрѣнія гарантировала его отъ доктринерскаго отрицанія и отъ метафизическаго радикализма; релятивизмъ его воззрѣній заставлялъ его держаться средней линіи. Однако, хотя и невольно, Юмъ сдѣлался одновременно родоначальникомъ и английскаго радикализма (онъ былъ, такъ сказать, духовнымъ отцомъ Бентама) и английскаго консерватизма (онъ оказалъ вліяніе на Борка). Этотъ двойственный характеръ политической философіи Юма естественно проистекалъ отъ возможности двоякаго примѣненія самого принципа пользы къ политической жизни. Съ точки зрѣнія пользы могутъ быть оправданы и сохраненіе существующихъ учреждений, какъ гарантіи спокойствія и порядка, и радикальная реформаціонная дѣятельность, какъ устраняющая несовершенства существующаго строя.

Политическое учение Юма.

Радикальная тенденція Юма сказалась въ его статьѣ *Идея совершеннаго государства*. Въ ней онъ съ одной стороны предлагаетъ фантастическій планъ федеральной республики, а съ другой — указываетъ на тѣ преобразованія, которыя могли бы сдѣлать изъ английскаго государственнаго строя наиболѣе совершенную ограниченную монархію. Должны быть реформированы и нижняя палата парламента — уравненіемъ избирательнаго права, съ предоставленіемъ всякому собственнику, имѣющему около 200 фунтовъ стерл. дохода, и верхняя палата — созданіемъ пожизненнаго,

1) Важнѣйшіе труды Юма: «Трактатъ о человѣческой природѣ»; «Моральные, политическіе и литературные опыты»; «Исслѣдованіе о человѣческомъ пониманіи»; «Исторія Англіи съ вторженія Юлія Цезаря до революціи 1688 г.»; «Политическіе опыты»; «Естественная исторія религіи».

а не наследственного перскаго достоинства и предоставленіемъ палатѣ лордовъ самой выбирать своихъ членовъ.

Но статья о *Совершенномъ государствѣ* не характерна для Юма, ибо вообще онъ былъ чуждъ радикальныхъ воззрѣній. Съ точки зрѣнія практической пользы (этой единственной основы власти, по мнѣнію Юма, отрицавшаго одинаково и теологическую теорію божественнаго права, и демократическую теорію первоначальнаго договора и народнаго суверенитета), многовѣковой опытъ исторіи, создавшей опредѣленныя политическія формы, является наилучшимъ показателемъ правильной политики, и долгое существованіе учреждений лучше всего доказываетъ пользу ихъ. Юмъ являлся безусловно противникомъ революціонной доктрины. Онъ возражалъ противъ теоріи всеобщаго равенства людей и противъ утвержденія, будто люди подчиняются власти въ силу собственнаго согласія. Онъ не признавалъ и права подданныхъ на сопротивленіе власти. Целью, по его мнѣнію, съ точки зрѣнія общественной пользы, допустить подобнаго права, ибо тогда расшатываются сами устои общества. Теорія сопротивленія власти—одно изъ самыхъ опасныхъ ученій. Лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о спасеніи самого общества, нелѣзно было бы требовать пассивнаго подчиненія. Консерватизму Юма содѣйствовали его историческая точка зрѣнія и его уваженіе къ силѣ привычки, къ непрерывности и преемственности политическаго развитія, какъ главнаго условія порядка и прочности.

Вообще, все политическое ученіе Юма проникнуто было умѣренностью и стремленіемъ держаться золотой середины. Въ политическомъ строѣ должна быть соблюдена середина между противоборствующими началами свободы и власти. Раздѣленіе на партіи вообще вредно, но оно можетъ быть полезно въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ раздѣленіе на виговъ и тори въ Англии. Здѣсь обѣ партіи сходятся въ признаніи существующаго строя, расходясь только въ отгѣнкахъ, и являются такимъ образомъ прекраснымъ сдерживающимъ началомъ другъ для друга. Политическая наука, по мнѣнію Юма, вполне относительна. Польза или вредъ той или другой формы зависитъ отъ всей совокупности конкретныхъ историческихъ обстоятельствъ. Онъ считалъ, однако, возможнымъ установить, какъ политическую аксіому, что лучшая монархія та, гдѣ власть наследственна, лучшая аристократія та, гдѣ власть сосредоточена въ рукахъ цѣлаго сословія, а не отдѣльныхъ лицъ, лучшая демократія та, гдѣ народъ выражаетъ

свое мнѣніе черезъ представителей. Однако, если бы пужно было выбирать для Англіи между республиканскимъ устройствомъ и абсолютной монархіей, Юмъ предпочелъ бы абсолютную монархію. Онъ не вѣрилъ въ прочность республики и ждалъ отъ республиканской формы правленія лишь раздѣленія на враждебныя партіи и классы, гражданскихъ войнъ, смуть и установленія тираніи.

Политическаго значенія Юма не слѣдуетъ преувеличивать: будучи чистымъ теоретикомъ и скептикомъ, Юмъ далъ уничтожающую критику доктрины общественнаго договора и оказалъ на политическую мысль не столько творческое, сколько критическое вліяніе. Въ области положительнаго политическаго творчества Юмъ довольствовался часто общими мѣстами.

II. Радикально-демократическія ученія въ XVIII в.

Англійская политическая мысль въ XVIII вѣкѣ не остановилась на простомъ комментированіи національной конституціи и на формулированіи принциповъ умѣренной и смѣшанной монархіи. Во вторую половину столѣтія возникло радикально-демократическое теченіе, которое скоро завершилось образованіемъ радикальной партіи и выразилось въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній. Это радикальное теченіе развилось не безъ вліянія тѣхъ социальныхъ измѣненій, которымъ подвергся строй англійскаго общества въ XVIII вѣкѣ. Вслѣдствіе глубокаго промышленнаго переворота, пережитаго въ это время Англіей, быстро возросшаго торговаго обмѣна и ускореннаго производства, народился новый промышленный классъ, который, однако, оставался не у власти, безъ соотвѣтствующаго дѣйствительному его значенію вліянія на судьбу государства. Въ борьбѣ этого новаго вырастающаго молодого промышленнаго класса со старымъ правящимъ классомъ земельной аристократіи и родился политическій радикализмъ, требовавшій конституціонныхъ реформъ и расширенія и уравниенія избирательнаго права. Зарожденіе фабричнаго производства, возникновеніе капиталистической хозяйственной формы становилось въ разрѣзъ со старыми общественными политическими формами, оставшимися отъ прежняго натурального хозяйства. Явились стремленія къ освобожденію личности отъ связывающихъ ее путъ и вѣра въ естественную гармонію индивидуальныхъ интересовъ, и индивидуализмъ и утилитаризмъ сдѣлались основой политической философіи новыхъ возникающихъ классовъ.

Впервые особенно сильно проявило себя это новое общественное течение въ началѣ царствованія Георга III, открыто отстранившаго отъ себя виговъ и приблизившаго торіевъ, въ связи съ такъ называемымъ дѣломъ Уилькса¹⁾.

Это дѣло Уилькса сопровождалось необычайнымъ возбужденіемъ народа; на избраніе Уилькса смотрѣли, какъ на борьбу народа съ королемъ. Повсюду собирались митинги, выражались народные протесты, вопросъ ставился о томъ, за кѣмъ должно остаться послѣднее слово въ политическихъ конфликтахъ. Общественное мнѣніе дѣлается все болѣе и болѣе враждебнымъ правительству; агитація распространяется по всемъ уголкамъ королевства и увеличивается со дня на день. Начинается движеніе къ парламентской реформѣ, образуется общество для защиты билля о правахъ и конституціонное общество, главными требованиями котораго являлись: ежегодные парламенты, запрещеніе депутатамъ принимать какую-нибудь должность или пенсію отъ короля, предоставленіе американцамъ права самимъ устанавливать налоги, улучшеніе судьбы Ирландіи. Это было зарожденіемъ радикальной партіи, первымъ руководителемъ которой былъ Горнъ Тукъ.

Этому умственному движенію и прогрессу демократическаго духа сильно содѣйствовали появившіяся въ это время *Письма Юніуса* (1769—1772). *Письма Юніуса*, авторъ которыхъ остался неизвѣстнымъ (предполагаютъ, что это былъ Филиппъ Фрэнсисъ), страстно и талантливо отстаивали права народа и сыграли громадную роль въ политической исторіи Англій. Тонъ ихъ очень рѣзокъ и дышитъ политическимъ радикализмомъ, но ближайшее знакомство съ ихъ политическими идеями убѣждаетъ насъ, однако, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло все съ тѣмъ же либерально-конституціоннымъ направленіемъ Боллингброка и Монтескье. Политическою цѣлью автора *Писемъ Юніуса* было остановить неумѣренный ростъ власти парламента и злоупотребленія имъ своими привилегіями, ярко сказавшіяся въ дѣлѣ съ исключеніемъ Уилькса изъ нижней палаты. Парламентское всемогущество представлялось Юніусу тираніей. Подобно Монтескье и Фергюсону, онъ считалъ задачей государства охрану свободы и безопасности. Эта цѣль лучше всего достигается монархической формой правленія. «Человѣкъ, — писалъ онъ, — который предпочитаетъ республиканскую форму правленія квалифицированной и

Письма
Юніуса.

¹⁾ См. статью В. В. Водовозова.

ограниченной монархii, въ родѣ нашей, не имѣть здраваго сужденія о политическихъ дѣлахъ». Верховная власть должна принадлежать тремъ органамъ, взаимно уравновѣшивающимъ и контролирующимъ другъ друга. Нижняя палата представляетъ народъ, но она не можетъ сама расширять своихъ правъ за предѣлы, которые были начертаны народомъ первой палатѣ. Рядомъ съ народной палатой должна стоять палата лордовъ, на которую возлагается контроль надъ другими законодательными органами. Наконецъ, надъ палатами долженъ стоять король. Онъ не отвѣтственъ и въ принципѣ не можетъ быть неправымъ. Но и надъ нимъ можетъ быть созданъ контроль, установленіемъ министерской отвѣтственности. Министры отвѣтственны передъ парламентомъ за свои дѣйствія, хотя бы они и выполняли лишь приказанія короля. Вообще Юніусъ былъ систематическимъ сторонникомъ ограниченной монархii и рѣзко отдѣлялъ себя отъ республиканцевъ; его политическая теорія — теорія умѣреннаго конституціонализма.

Въ это самое время радикальное теченіе получило новыя силы подъ вліяніемъ политическаго движенія, вызваннаго возстаніемъ противъ метрополіи сѣверо-американскихъ колоній, и вслѣдствіе провозглашенія ими демократическихъ принциповъ. Въ 80-е годы XVIII столѣтія среди англійскихъ радикаловъ наиболѣе выдающуюся роль играли Чарльзъ Фоксъ и Джонъ Картрайтъ. Особенно блестящую и яркую фигуру представлялъ Фоксъ (1749 — 1806). Выбранный въ палату общинъ еще когда ему не было 21 года, Фоксъ началъ свою политическую карьеру торіемъ и былъ членомъ правительства въ министерствѣ лорда Норта (1770 года). Но съ 1775 года, съ начала американской войны, онъ становится защитникомъ правъ американскихъ колонистовъ и ихъ свободы; онъ отстаиваетъ права всѣхъ угнетаемыхъ, возстаетъ противъ рабства, защищаетъ избирательную реформу и мало-по-малу дѣлается представителемъ парламентской партіи противъ королевской. На ряду съ Фоксомъ, въ качествѣ родоначальника англійскаго политическаго радикализма, долженъ быть упомянуть

Фоксъ.

Картрайтъ. и «отецъ реформъ» Джонъ Картрайтъ (1740—1824). Уже въ 1776 году онъ издалъ памфлетъ, одно заглавіе котораго было цѣлой программой: *Выбирайте: представительство и уваженіе къ вашимъ правамъ — или обманъ и презрѣніе къ вашимъ правамъ! Ежегодные парламенты и свобода — или долгие парламенты и рабство!* Въ этомъ памфлетѣ Картрайтъ отстаивалъ избирательное право, какъ естественное и неотчуждаемое

право, и защищать введеніе въ Англіи всеобщаго избирательнаго права и принципъ личнаго представительства. Личность, а не собственность является единственной основой права представительства. Все граждане, достигшіе 18-лѣтняго возраста, должны имѣть голосъ и только одинъ голосъ; голосованіе должно быть тайнымъ; парламентъ избирается ежегодно и выборы производятся въ одинъ день; избирательные округа должны имѣть равное число избирателей. Въ 1780 году Картрайтъ основалъ «Общество Конституціонной Освѣдомленности», которое выпустило проектъ деклараціи правъ; въ союзѣ съ Фоксомъ и Шериданомъ Картрайтъ организовалъ также радикальный «Вестминстерскій Комитетъ Корреспонденцій».

Періодъ времени между шестидесятыми и девяностыми годами XVIII вѣка, ознаменованный волненіями, сопровождавшими дѣло Уилькса, и возстаніями американскихъ колоній, можетъ считаться эпохой, когда впервые оформились радикальныя демократическія идеи въ Англіи.

Когда разразилась французская революція, она тотчасъ же отразилась на политической жизни Англіи. Въ Англіи снова начинаютъ образовываться демократическія организаціи, объединяющія сторонниковъ парламентской реформы. Среди теоретиковъ радикальной доктрины особенно выдѣляются въ это время Пристлей, Прайсъ и Пэнъ.

Оригинальную и незаурядную фигуру представлялъ собою **Пристлей.** Джозефъ Пристлей (1733—1804). Будучи психологомъ-материалистомъ, свободомыслящимъ въ религіозныхъ вопросахъ, отрицающимъ божественность Христа, Пристлей оставался христіанскимъ священникомъ и проповѣдникомъ одного диссидентскаго прихода. Философъ, психологъ, богословъ, плодовитый историкъ, великій химикъ (открывшій кислородъ), Пристлей былъ одновременно и политическимъ агитаторомъ, сторонникомъ революціонной доктрины. Исповѣдованіе имъ революціонныхъ принциповъ заставило его даже подъ конецъ жизни покинуть Англію. Когда въ эпоху французской революціи Пристлей вздумалъ однажды отпраздновать у себя на дому годовщину взятія Бастиліи, возбужденная противъ революціонеровъ лондонская толпа произвела полный разгромъ его дома, уничтожила его лабораторію и его рукописи. Послѣ этого тяжелаго случая Пристлей принужденъ былъ переселиться въ Америку.

Изъ сочиненій Пристлея, относящихся къ политикѣ, должны быть особенно упомянуты: *Трактатъ о гражданскомъ правле-*

ній, Рѣчь объ исторіи и политикѣ и Письмо къ Эдмонду Борку по поводу его Размышленій о революціи во Франціи.

Придерживаясь матеріалистическихъ взглядовъ въ сферѣ психологій и не отличая психическихъ явленій отъ физическихъ, Пристлей былъ въ то же время врагомъ матеріализма въ сферѣ метафизической, признавая и бытіе Бога и безсмертіе души. Всю мораль Пристлей сводилъ на стремленіе къ наибольшему личному счастью и былъ однимъ изъ основателей утилитаризма; именно въ его *Трактатѣ о гражданскомъ правленіи* нашель Бенгамъ поразившую его и положенную имъ въ основу своей философіи формулу наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, какъ принципа нравственной дѣятельности человѣка. Въ своей политической доктринѣ онъ вполнѣ принималъ демократическія идеи Руссо. Правительство, по его мнѣнію, основывается на сдѣлкѣ, по которой каждый человѣкъ отказывается отъ части своей гражданской свободы, т.-е. отъ права дѣйствовать по своему свободному усмотрѣнію, взамѣнъ за опредѣленную долю политической свободы, т.-е. вліянія на управленіе страной. Отсюда слѣдовали у него обычныя заключенія относительно народнаго суверенитета и оправданія возстанія въ тѣхъ случаяхъ, когда основной договоръ нарушенъ.

Прайсъ.

Въ то время, какъ Пристлей исходилъ въ своихъ демократическихъ построеніяхъ изъ идеи пользы, другой современный ему радикаль Ричардъ Прайсъ (1723—1791) основывался на метафизическомъ понятіи свободы, составляющемъ естественное право человѣка. Въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ онъ рѣзко расходился съ Пристлеемъ и, будучи платоникомъ и врагомъ матеріализма, полемизировалъ противъ психологическаго матеріализма Пристлея. Сначала онъ занимался богословскими работами, а потомъ отдался политикѣ. Во время возстанія американскихъ колоній онъ былъ пламеннымъ защитникомъ требованій американцевъ; по этому поводу онъ отстаивалъ идею всеобщаго мира и европейской федераціи, указывая на великую цѣнность утвержденного въ Америкѣ федеративнаго принципа. Въ октябрѣ 1789 года, въ годовщину революціи 1688 года, Прайсъ произнесъ въ одной изъ церквей рѣчь, въ которой защищалъ демократическія идеи революціи. Эта рѣчь, которой мы коснемся ниже, послужила поводомъ къ знаменитому возраженію Борка, къ его *Размышленіямъ о французской революціи.*

Въ основу своей политической доктрины Прайсъ полагалъ принципъ политической свободы. Подъ гражданской свободой онъ разумѣлъ право гражданскаго общества или государства управлять самимъ собою, по своей собственной волѣ или по своимъ собственнымъ законамъ, не будучи подчиненнымъ никакой власти, которая не была бы установлена, направляема и контролируема націей въ цѣломъ. Свобода есть право самоуправленія. Гдѣ нѣтъ самоуправления, тамъ рабство. Политическій строй постольку можетъ быть названъ свободнымъ, поскольку онъ есть созданіе народа. Онъ рождается вмѣстѣ съ народомъ и имѣетъ въ виду лишь народное счастье. Различныя политическія формы представляютъ собою только различные способы, избранные народомъ для управленія своими дѣлами и для обезпеченія спокойнаго владѣнія своими правами. Во всякомъ свободномъ государствѣ каждый человѣкъ есть свободный законодатель. Всякіе налоги — безвозмездные дары на нужды государства. Все законы суть регламенты, установленные съ общаго согласія, для общей защиты и безопасности; и все должностныя лица являются депутатами, на которыхъ возложено исполненіе этихъ законовъ; неправильно поэтому опредѣлять свободу, какъ «правленіе законовъ, а не правленіе людей». Если законы издаются однимъ человѣкомъ или собраніемъ людей, а не по общему согласію всего народа, то такое правительство не отличается отъ рабства. Изъ этого слѣдуетъ, что гражданская свобода въ своемъ наиболѣе совершенномъ видѣ можетъ существовать только въ небольшихъ государствахъ, гдѣ каждый членъ можетъ подать свой голосъ лично и можетъ лично нести общественныя должности. Когда же государство дѣлается слишкомъ обширнымъ, то неизбежно, какъ послѣдствіе, — уменьшеніе свободы. Однако, и при такихъ обстоятельствахъ существуетъ средство приблизиться къ совершеннѣйшей свободѣ. Хотя все члены большого государства и не могутъ индивидуально и лично голосовать по общественнымъ дѣламъ, они могутъ, однако, назначать отъ себя представителей, они могутъ поручать законодательную власть съ тѣми ограниченіями, которыя они считаютъ необходимыми, извѣстному числу делегатовъ, и все, что эти делегаты сдѣлаютъ, въ предѣлахъ даннаго имъ порученія, то и будетъ разсматриваться, какъ созданное соединенными голосами и на совѣщаніи всей общины. Въ этомъ случаѣ, очевидно, государство будетъ еще болѣе или менѣе свободнымъ и самоуправляющимся, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, будетъ ли представительство

болѣе или менѣе совершеннымъ. Если лица, которымъ вручена власть, остаются недолгое время, если они избраны свободнымъ голосованіемъ болѣе части государства, и если они не выходятъ изъ границъ полученныхъ инструкцій, то, можно сказать, свобода имѣется налицо; если же депутаты избираются на долгое время и притомъ лишь частью народа, и если они не подчинены контролю людей, пославшихъ ихъ, то сама идея свободы уничтожается. Итакъ, для свободнаго государства необходимо, чтобы оно управлялось собраніемъ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ и отвѣтственныхъ передъ избирателями. Но Прайсъ считалъ, что есть всѣскія основанія къ этому собранію представителей присоединить наслѣдственный совѣтъ, образуемый изъ лицъ высшаго ранга въ государствѣ, съ верховнымъ должностнымъ лицомъ во главѣ, надѣленнымъ исполнительной властью. Это создастъ противовѣсы, полезные для законодательства, и будетъ способствовать силѣ, единству и быстротѣ управленія, не разрушая свободы. До извѣстной степени это требованіе Прайсъ видѣлъ осуществленнымъ въ англійской конституціи. «Что мы хвалимъ въ нашей странѣ, — писалъ онъ, — такъ это ея конституцію».

Пэнъ. Если на образованіе конституціонно-либеральной доктрины въ Англии немалое дѣйствіе оказало иноземное вліяніе Франціи черезъ посредство политической теоріи Монтескье, то въ англійскомъ радикализмѣ, на ряду съ несомнѣннымъ французскимъ вліяніемъ теорій Руссо и Великой революціи, сильно сказалось и рѣшительное воздѣйствіе Сѣверной Америки и ея республиканской мысли, пробудившейся подъ вліяніемъ геройской борьбы колоній противъ гнета метрополи. Это послѣднее вліяніе съ особенной силой проявилось черезъ посредство Томаса Пэна. Томасъ Пэнъ (1739—1809), хотя былъ и англичаниномъ по происхожденію, однако рано переселился въ Сѣверную Америку, гдѣ и принялъ большое участіе въ борьбѣ Соединенныхъ Штатовъ за свою независимость. Въ 1776 году онъ издалъ противъ англійской конституціи республиканскій памфлетъ, *Здравый Смыслъ*. Когда началась французская революція, Пэнъ жилъ во Франціи: онъ былъ свидѣтелемъ разрушенія Бастиліи, и на него была возложена миссія передать Вашингтону ключи разрушенной крѣпости. Во время бѣгства короля въ Вареннъ Пэнъ тоже находился въ Парижѣ. За его радикально-революціонныя убѣжденія ему дано было званіе французскаго гражданина, и онъ сдѣ-

дился членомъ Конвента, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ Кондорсе выработывалъ новую декларацію правъ. Въ самый разгаръ революціи Пэнъ издалъ свою шумѣвшую книгу *Права Человѣка*. Первая часть этой книги появилась въ 1791 году и была посвящена Вашингтону; въ ней содержался отвѣтъ на нападки Борка противъ французской революціи и защищалась политика учредительнаго собранія. Вторая часть книги вышла въ 1792 году и была посвящена Лафайету; въ ней излагались принципы революціи и указывалось, какимъ образомъ Англія, слѣдуя примѣрамъ Соединенныхъ Штатовъ и Франціи, сможетъ ввести у себя демократическія учрежденія.

Томасъ Пэнъ нападалъ и на современныя ему религіозныя вѣрованія и на современные установившіеся политическіе взгляды. Это былъ революціонеръ, демократъ и республиканецъ въ полномъ смыслѣ слова. По мнѣнію Пэна, и короли и священники—обманщики. Въ настоящее время, когда наступаетъ вѣкъ просвѣщенія и разума, изъ религіи должны исчезнуть всякія суевѣрія, а изъ политики вѣрность и преданность существующему строю; въ религіи долженъ царить деизмъ, въ политикѣ — демократія. До сихъ поръ народъ держался своими правителями въ рабствѣ. Всякая традиція есть неразумный предразсудокъ, и старый общественный порядокъ долженъ быть смѣненъ новымъ. Существуютъ двѣ правительственныя формы — избирательная и наследственная. Наследственная система есть величайшій абсурдъ; представительная система приводитъ къ правительству наиболѣе умныхъ, тогда какъ наследственная система влечетъ за собою часто правленіе наиболѣе глупыхъ. Правленіе какъ королей, такъ и аристократіи неразумно. Всѣ разнообразныя правительственныя системы сводятся къ одной изъ этихъ формъ, т.-е. къ наследственной или избирательной. Названіе смѣшанныхъ формъ неправильно, ибо элементы ихъ, разсматриваемые отдѣльно, или представительныя или наследственныя. По мнѣнію Пэна, у самого Эвклида гдѣть теоремы болѣе математически правильной, чѣмъ положеніе: наследственное правительство не имѣетъ права существовать; когда, слѣдовательно, мы лишаемъ кого-нибудь осуществленія имъ наследственной власти, мы отнимаемъ у него то, владѣть чѣмъ онъ никогда и не имѣлъ права и на что ни законъ ни обычай не могли и никогда не могутъ ему дать ни малѣйшаго основанія. Аргументы противъ наследственной системы заключаются въ абсурдности этой системы и въ ея несовмѣстимо-

Критика
политиче-
скаго строя.

сти съ цѣлями хорошаго правительства. Ничто не можетъ, — говорить Пэнъ, — представиться нашему уму большей нелѣпницей, какъ то, что правительство цѣлаго народа можетъ оказаться въ рукахъ младенца, лишеннаго опыта, что часто не лучше, чѣмъ если бы оно оказалось въ рукахъ безумнаго. Разматривая юридическую сторону вопроса, Пэнъ стремится и юридически доказать, что наследственная система не имѣетъ ни малѣйшаго права на существованіе. Прежде всего, она не имѣетъ права возникнуть, ибо никто не имѣетъ права сдѣлать свою власть надъ народомъ наследственной. Но, быть — можетъ, пачавшись въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, эта власть можетъ стать правомѣрной подѣ вліяніемъ времени? По мнѣнію Пэна, сама постановка этого вопроса уже абсурдна, ибо время не больше можетъ имѣть вліянія на принципъ, чѣмъ и принципъ на время. Несправедливость, хотя бы она началась и тысячу лѣтъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе остается несправедливостью, какъ если бы она началась сегодня. Время по отношенію къ принципамъ является вѣчно настоящимъ. Но какое намъ дѣло до тысячелѣтія? Наша жизнь есть лишь очень короткая часть этого періода времени, и если въ моментъ, когда мы начинаемъ нашу жизнь, мы встрѣчаемъ господство несправедливости, то это и есть моментъ, когда она начинается для насъ, и наше право противиться ей — такое же, какъ если бы эта несправедливость никогда ранѣе не существовала. Но, можетъ — быть, народъ можетъ установить наследственную власть путемъ закона? И на этотъ вопросъ Пэнъ отвѣчаетъ отрицательно. Всякій законъ и всякая конституція, изданная съ этимъ намѣреніемъ, являются актомъ измѣны не только противъ правъ всѣхъ членовъ націи, которые были несовершеннолѣтними въ моментъ его изданія, но также и противъ правъ всѣхъ грядущихъ поколѣній. Всякій народъ, конечно, имѣетъ право выбирать для настоящаго времени ту форму правленія, которая ему нравится, но наследственная преемственность существуетъ не для него, она существуетъ для новыхъ поколѣній; и такъ какъ тѣ, кто должны быть подчинены этой формѣ правленія, еще несовершеннолѣтніе или еще не родились, то настоящее поколѣніе не имѣетъ права ихъ связывать, и узурпація подобнаго права есть коварство и измѣна противъ права исходящихъ поколѣній.

Пэнъ, развивая эти взгляды, отрицать всякую силу традиціи и исторической преемственности. Ни юридической давности, ни священнаго характера нормъ, сложившихся въ долгомъ

опытъ историческаго процесса, для него не существуетъ. Онъ отрицалъ не только прошлое во имя настоящаго, но и право настоящаго надъ будущимъ во имя этого будущаго. Впрочемъ, его доводы противъ права народа закономъ устанавливать наследственную форму правленія съ юридической точки зрѣнія наивны, что ему и указывалъ Боркъ. То, что составъ народа ежедневно мѣняется, такъ же мало можетъ быть приведено противъ установленія наследственной формы правленія, какъ и противъ изданія всякаго другаго закона, такъ какъ всякій законъ и всякая конституція, не только устанавливающая монархическую форму правленія, но и республиканскую, и регулирующая осуществленіе избирательнаго права, имѣетъ дѣйствіе не только на то поколѣніе, которое ихъ издало, но и на тѣ, которыя приходятъ ему на смѣну. Что касается до представительнаго правленія, то Пэнъ «не желаетъ даже унижаться до изслѣдованія, гдѣ, какъ и по какому праву оно существуетъ». Его источникъ всегда ясенъ. Самъ человѣкъ есть источникъ и доказательство своего представительства, — оно ему принадлежитъ въ силу его существованія, и его личность является достаточнымъ его основаніемъ. Истинная и притомъ единственно истинная основа представительнаго правительства есть равенство правъ. Каждый индивидъ, безъ различія, имѣетъ право одного голоса и не болѣе одного голоса въ выборѣ представителей. Съ нетерпимостью чисто революціонной, Пэнъ говорилъ: «единственнымъ случаемъ, при которомъ лишеніе права голоса при выборѣ представителей оказалось бы соответствующимъ принципамъ справедливости, было бы лишеніе права голоса, какъ наказаніе, на опредѣленное время, тѣхъ лицъ, кто предложили бы лишить его другихъ».

Пэнъ, какъ это можно видѣть изъ вышесказаннаго, былъ послѣдовательнымъ республиканцемъ. Представительное правительство, т.-е. правительство, устанавливаемое путемъ выборовъ, имѣетъ свой источникъ въ естественныхъ и вѣчныхъ правахъ людей. Будетъ ли человѣкъ самъ своимъ собственнымъ законодателемъ, — какъ это было въ первобытномъ состояніи, — будетъ ли онъ лично осуществлять свою долю законодательной власти, — какъ это практикуется въ небольшихъ демократіяхъ, гдѣ вся масса народа можетъ собраться для изданія законовъ, — будетъ ли человѣкъ осуществлять свое право, избирая лицъ, которыя должны представлять его въ національномъ собраніи народныхъ представителей, — источникъ этого права во всѣхъ

указанныхъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Только первый случай влечетъ къ неравенству во власти; второй можетъ годиться только для очень небольшихъ демократій; и лишь третій наиболѣе подходитъ для созданія прочной и широкой правительственной формы.

Годвинъ.

Какъ ни были радикальны взгляды Пэна, однако они не представляли собою еще самаго крайняго выраженія англійскаго радикализма XVIII вѣка. Это послѣднее дано было Вильямомъ Годвиномъ (1756—1836). Въ февралѣ 1793 года Годвинъ выпустилъ двухтомное *Изслѣдованіе о политической справедливости*. Это произведеніе служило какъ бы отвѣтомъ на *Размышленія о французской революціи* Борка, который подвергъ революціонный идеалъ безпощадной критикѣ. Въ *Политической справедливости*, на основныя положенія которой оказали сильнѣйшее вліяніе теоріи Руссо, Гольбаха и Гельвеція Годвинъ чисто апіорнымъ и абстрактнымъ методомъ стремился обосновать прежде всего анархическій идеалъ, а потомъ относительныя преимущества демократическаго республиканскаго строя.

Всякое правительство объявляется Годвиномъ зломъ, насиліемъ надъ индивидуальной совѣстью и надъ личнымъ убѣжденіемъ, зломъ, необходимымъ въ теченіе опредѣленнаго періода историческаго процесса, но мало-по-малу исчезающимъ подъ вліяніемъ уметвеннаго прогресса. На этомъ теоретическомъ отрицаніи всякаго правительства Годвинъ останавливается съ большою настойчивостью и вполне заслуживаетъ мѣсто одного изъ родоначальниковъ современнаго анархизма, которое ему даютъ большинство новѣйшихъ историковъ социалистическихъ и анархическихъ идей. Всѣ существующія церкви, присяги, обязательства, законы противъ нравственности Годвиномъ отрицаются, какъ препятствіе развитію индивидуальной свободы. Даже общественное воспитаніе отвергается этимъ непоколебимымъ мистоломъ индивидуализма, какъ могущее создать чрезмѣрное постоянство и однообразіе идей. Годвинъ протестуетъ также противъ примѣненія уголовнаго кодекса, основаннаго на системѣ принужденія и насилія. Институтъ частной собственности находитъ въ немъ яраго противника.

Нисходя съ высотъ теоріи къ разсмотрѣнію конкретной дѣйствительности, Годвинъ готовъ, однако, признать временную необходимость правительства и даже произво-

дять сравнительную критику различныхъ формъ правленія. Онъ рѣдко критикуеть монархическое и аристократическое правитель-ства. По его мнѣнію, монархъ находится въ рукахъ льстецовъ: монархія, вызывая боязнь предъ королемъ, создаютъ малодушіе подданныхъ; въ конституціонныхъ монархіяхъ выборы сопровождаются безпорядками; въ аристократіяхъ не соблюдается основной принципъ общественной справедливости, — отличать человѣка отъ другихъ людей лишь по его личной заслугѣ, и вводятся без-смысленные титулы знатности. Послѣ этой, нужно сказать, очень слабой и поверхностной критики монархическихъ и аристо-кратическихъ учреждений, Годвинъ превозноситъ преимущества демократіи. Демократію онъ опредѣляетъ, какъ такую правитель-ственную систему, гдѣ всякій членъ общества разсматривается, какъ человѣкъ, и ничто болѣе, гдѣ всѣ граждане равны. Не то, чтобы талантъ и собственность при этомъ строѣ были лишены всякаго ваіянія, но никакое положительное учрежденіе этого вліянія не укрѣпляетъ. Годвинъ не думалъ, чтобы демократія была безъ недостатковъ. Онъ считалъ необходимымъ принимать во вниманіе уловки умѣлыхъ ораторовъ, льстецовъ толпы, непостоян-ство народа, опасности неограниченной свободы и то, что въ демократическихъ государствахъ истинныя заслуги часто не при-знаются и держатся подъ подозрѣніемъ и что зависть является господствующимъ зломъ. Однако, несмотря на это, Годвинъ пред-почиталъ демократію монархія и аристократіи, ибо спокойствіе, по мнѣнію Годвина, еще не счастье. «Однимъ изъ главныхъ источниковъ, — пишетъ Годвинъ (въ 14 гл. V кн. *Политической Справедливости*), — ошибочнаго сужденія о демократіи является то, что имѣютъ въ виду такихъ людей, какими ихъ сдѣлали монархія и аристократія. И отъ этого исходятъ въ оцѣнкѣ воз-можности или невозможности людей самоуправляться своими соб-ственными законами... Слѣпая вѣра, безусловное подчиненіе вла-сти, недоувѣріе къ самимъ себѣ, вотъ главныя препятствія про-грессу... Демократія даетъ человѣку сознаніе своей цѣнности и, отвергая деспотическую власть, учитъ его подчиняться только приказомъ разума, способствуетъ относиться къ другимъ людямъ, какъ къ себѣ подобнымъ, не какъ къ врагамъ, которыхъ нужно остерегаться, а какъ къ братьямъ, которымъ должно оказать по-мощь... Нѣтъ ничего неразумнѣе, какъ по современному состоянію людей заключать о томъ, чѣмъ они могутъ быть позже. Путь прогресса необычайно простъ: — говорить истину, дѣйствовать

сообразно истинѣ... Нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ всемогущество истины, или, другими словами, соотвѣтствіе между идеями и высшимъ поведеніемъ. Если наука способна къ вѣчному прогрессу, то и люди способны къ постоянному прогрессу въ мудрости и справедливости».

Демократическое правительство должно быть организовано сообразно даннымъ разума и справедливости. Такъ законодательная власть не должна состоять изъ двухъ собраній, — что только вооружаетъ одну часть націи противъ другой, — а изъ одного собранія. Чтобы помѣшать слишкомъ поспѣшнымъ и необоснованнымъ рѣшеніямъ единаго собранія, достаточно, по мнѣнію Годвина, потребовать пять или шесть послѣдовательныхъ обсужденій законопроектовъ. Правительство можетъ ставить себѣ только двѣ законныя цѣли: одна заключается въ подавленіи несправедливостей, совершенныхъ противъ индивидовъ въ общинѣ, другая — въ защитѣ противъ высшаго нападенія. Что касается до роли парламента, то она тоже должна быть уменьшена. Постоянное собраніе нисколько не необходимо во время мира и даже можетъ оказаться вреднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ многолюдныхъ собраніяхъ мы часто руководствуемся мотивами, чуждыми разуму и очевидности, находясь подъ временнымъ вліяніемъ парламентскаго оратора. Изъ этого слѣдуетъ, что если необходимо прибѣгать къ совѣщательнымъ собраніямъ, то нужно дѣлать это какъ можно меньше: или ихъ надо избирать только въ исключительныхъ случаяхъ, въ родѣ римскихъ диктаторовъ, или они должны засѣдать самое короткое время, напр., одинъ день въ году. Такое собраніе въ началѣ демократическаго періода будетъ давать приказы; но мало-по-малу достаточно будетъ простого приглашенія повиноваться законамъ, и голосъ разума будетъ услышанъ.

Возлагая такія чрезмѣрныя надежды на преобразование чело-вѣческой природы, Годвинъ былъ чуждъ всякаго историческаго духа. Онъ готовъ былъ разрушить до основанія все политическое зданіе и построить новое на принципахъ абстрактнаго разсужденія. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ неограниченную способность чело-вѣческаго совершенствованія и во всемогущество разума. «Ни одинъ писатель, — пишетъ о немъ тонкій изслѣдователь вліяній французской революціи на англійскую литературу, Эдвардъ Доу-денъ, — не выражаетъ болѣе ясно, чѣмъ Годвинъ, индивидуализма, характеризующаго начало революціоннаго движенія въ Европѣ: ни одинъ писатель не даетъ болѣе поразительнаго доказательства

абсолютнаго отсутствія историческаго чувства. Человѣкъ у него не представляется созданиемъ прошлаго... Насталъ какъ бы первый годъ творенія; вся Вселенная должна быть переустроена на принципахъ разума, не обращая вниманія на накопившіяся-наслѣдственныя тенденціи. Есть что-то возвышенное, трогательное и комическое въ томъ героическомъ безуміи, съ которымъ философъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ образуетъ цѣлый человѣческій міръ. Но ошибки, такъ же, какъ и истины, не столько принадлежать личности писателя, сколько чрезвычайной исторической эпохѣ, въ которую онъ жилъ».

III. Консервативная оппозиція противъ демократическаго радикализма въ концѣ XVIII вѣка.

Французскія политическія идеи, представленныя Пэнномъ и Годвиномъ, никогда хорошо не акклиматизировались въ Англіи. Общественныя условія Англіи, отвращеніе англичанъ къ абстрактнымъ теоріямъ абсолютнаго характера помѣшали англичанамъ принять метафизическій и какъ бы математическій методъ разсужденій въ политической сферѣ. Всѣ англійскіе теоретики согласно признаютъ, что политическая истина должна быть основана на опытѣ. Блестящія дарованія Борка и его истинно-философская проищательность привели его ближе, чѣмъ кого-нибудь другого изъ его современниковъ, къ настоящему историческому методу. Въ его же лицѣ нашла своего самаго непримиримаго критика революціонно-демократическая доктрина англійскихъ радикаловъ XVIII вѣка.

Эдмондъ Боркъ (1730—1797) родился въ Ирландіи, въ Дублинѣ, въ мѣщанской семьѣ, но вслѣдствіе покровительства одного знатнаго лорда онъ уже въ 1764 году попалъ въ парламентъ, гдѣ онъ скоро началъ, благодаря своимъ талантамъ и совершенно исключительному краснорѣчію, играть видную политическую роль. Въ парламентѣ онъ принадлежалъ къ партіи виговъ и былъ постоянно сторонникомъ либеральныхъ началъ; онъ энергично протестовалъ противъ политическаго вліянія придворной камарилли и призывалъ партію виговъ сойтись въ борьбѣ противъ подкупиности правительства. Во время войны Англіи со своими американскими колоніями онъ былъ на сторонѣ колоній и высказывался за соглашеніе съ ними; во время реформы Остъ-Индской компаніи Боркъ выступилъ съ огненными рѣчами, какъ одинъ изъ главныхъ обвинителей губернатора Варрена Гастингса. Когда началась французская революція, Боркъ сразу отрицательно от-

Боркъ.

несся къ ея демократическому радикализму и выступилъ противъ нея съ книгою *Размышленія о революціи во Франціи*. Это отдалило его отъ многихъ прежнихъ политическихъ друзей по партіи вигговъ, привѣтствовавшихъ французскую революцію и упрекавшихъ Борка въ измѣнѣ дѣлу свободы. Въ такомъ отношеніи Боркъ видѣлъ нарушение традиціонныхъ принциповъ стараго вигизма и апеллировалъ противъ «новыхъ» вигговъ къ «старымъ» вигамъ въ памфлетѣ *Воззваніе новыхъ вигговъ къ старымъ вигамъ* (1791). Подъ конецъ жизни Боркъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ реакціоннаго министерства Питта Младшаго и все дальше отдалялся отъ своихъ прежнихъ политическихъ друзей.

„Размы-
шленія о
революціи
во Фран-
ціи“.

Классическое произведеніе Борка, написанное имъ въ самый разгаръ французской революціи, *Размышленія о революціи во Франціи*, произвело громаднѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ не только въ Англии, но и во Франціи и въ Германіи. Сочиненіе было написано въ опроверженіе демократическихъ принциповъ, выставленныхъ въ то время радикаломъ Ричардомъ Прайсомъ. Послѣдній въ своей рѣчи, произнесенной 4 октября 1789 года, высказалъ три положенія, лежащихъ, по его мнѣнію, въ основѣ всякой свободной конституціи, въ частности англійской: 1) право выбирать тѣхъ, кто нами править, 2) право низлагать правителей вслѣдствіе ихъ дурного поведенія, 3) право устанавливать форму правленія по своему усмотрѣнію. Исторія англійской революціи 1688 года, по мнѣнію Борка, наоборотъ, доказываетъ, что, призывая на королевскій тронъ Вильгельма III, англійскій народъ и парламентъ нисколько не вѣрили въ свое право путемъ избранія назначать своихъ королей, а, напротивъ, приняли всевозможныя усилія, чтобы доказать, что право королей основывается лишь на наслѣдственности, и что въ будущемъ долженъ строго поддерживаться порядокъ престолонаслѣдія, господствовавшій въ Англии и раньше. Что касается права низлагать правительство вслѣдствіе его дурного поведенія, то итъ, — говоритъ Боркъ, — ни одного правительства, которое могло бы существовать хоть одинъ моментъ, если бы было дозволено низвергнуть его за нѣчто столь неопредѣленное, какъ дурное поведеніе. Карлъ I низвергнуть былъ за то, что боролся противъ протестантской церкви и государства, противъ основныхъ законовъ и неоспоримыхъ вольностей, за то, что нарушилъ, такъ сказать, первоначальный договоръ между королемъ и народомъ. Но, и низлагая Карла I,

англійскій парламентъ имѣлъ въ виду только оградить будущихъ королей отъ возможности такихъ нарушеній. Противъ права народа самому устанавливать форму правленія Боркъ говоритъ: «Съ эпохи великой хартіи до билля о правахъ постоянной политикой нашей конституціи было требовать и сохранять наши вольности, какъ наследство, которое намъ оставлено нашими предками, и которое мы должны передать нашему потомству, какъ благо, принадлежащее специально народу нашего королевства, внѣ отношенія къ какому-нибудь болѣе общему и болѣе древнему праву. Благодаря этому наша конституція сохранила единство, несмотря на громадное разнообразіе партій. Мы обладаемъ наследственной короной, наследственнымъ сословіемъ пэровъ, палатой общинъ, и нашъ народъ имѣетъ свои привилегіи и вольности въ силу наследственного права отъ отдаленныхъ предковъ».

Революція, которая произошла во Франціи въ концѣ XVIII в., болѣе гибельна, по мнѣнію Борка, для Франціи, чѣмъ всѣ революціи, которыя переживала Франція раньше. «Удивительная вещь, — пишетъ Боркъ воображаемому французскому корреспонденту, — видѣть, съ какой быстротой Франція, какъ только она могла передохнуть, возстала отъ самыхъ жестокихъ и самыхъ долгихъ гражданскихъ войнъ (XVI вѣка), какія только переживалъ какой бы то ни было народъ. Почему? Потому что во всѣхъ измѣненіяхъ французы не убивали характера своей страны. Ни достоинство, увѣреніе въ себѣ, ни благородная гордость, ни чувство славы и соревнованія не были погашены: наоборотъ, они были возбуждены, зажжены. Государственные органы, хотя и поврежденные, все же продолжали существовать: всѣ награды и всѣ отличія, которыя возбуждаютъ честь и добродѣтель, были сохранены. Но ваша современная смута, какъ параличъ, поразила источникъ самой жизни. Всѣ тѣ, кто между вами были созданы, чтобы руководиться лишь принципомъ чести, разжалованы и деградированы, и не испытываютъ другихъ чувствъ, кромѣ чувства униженія и обиды. Но наше поколѣніе скоро исчезнетъ; то поколѣніе знати, которое придаетъ ему на смѣну, будетъ походить на ремесленниковъ, на крестьянъ, на спекулянтовъ, на ростовщиковъ и на евреевъ, которые впредь сдѣлаются ихъ равными, а иногда и ихъ господами. Повѣрьте мнѣ, мой другъ, что тѣ, кто претендуютъ нивелировать, никогда не уравниваютъ. Во всѣхъ обществахъ, которыя по необходимости состоятъ изъ различныхъ классовъ гражданъ, необходимо, чтобы былъ одинъ

классъ, которому принадлежало бы господство; поэтому нивелляторы только мѣшаютъ и переворачиваютъ естественный порядокъ вещей: они дѣлаютъ общественное зданіе неустойчивымъ, помѣщая въ воздухъ то, что для прочности зданія должно было бы быть помѣщено въ фундаментъ... Канцлеръ Франціи при открытіи Генеральныхъ Штатовъ сказалъ съ элегантною риторикой: «всѣ профессіи почетны». Если бы онъ хотѣлъ заявить только, что никакое честное занятіе не должно вызывать къ себѣ презрѣнія, то онъ не отошелъ бы отъ истины; но, говоря, что всякое состояніе почетно, мы принуждены дѣлать нѣкоторыя различія. Занятіе, напримѣръ, парикмахера ни для кого не можетъ быть источникомъ почета. Государство не должно угнетать лицъ этого класса; но оно очень пострадало бы, если бы такимъ лицамъ, въ томъ состояніи, въ которомъ они являются теперь, дано было управлять государствомъ. Вы полагаете, что вашимъ поведеніемъ вы побуждаете предразсудокъ; вы ошибаетесь: вы объявляете войну самой природѣ. Вы не подумаете, надѣясь, что мое желаніе заключается въ томъ, чтобы видѣть власть и отличіе данными исключительно привилегіямъ рожденія и титуловъ. Нѣтъ, для правительства единственно допустимы титулы, реальные или предполагаемые, — знаніе и добродѣтель. Гдѣ бы они ни встрѣтились, въ какомъ бы сословіи, жизненной обстановкѣ, профессіи или ремеслѣ они ни были, они даютъ право на положеніе и почетъ. Горе странѣ, которая оказалась бы слишкомъ безумной и печестивой, чтобы пренебречь услугами талантовъ и гражданскихъ, военныхъ или религіозныхъ добродѣтелей, которыя были бы ей предложены для ея украшенія и для службы ей! Горе странѣ, которая осудила бы на неизвѣстность все, что способно просвѣтить государство и прославить его! Горе странѣ, которая, впадая въ противоположную крайность, стала бы смотрѣть на рабское воспитаніе, на одностороннее отношеніе къ вещамъ, на наемническія и низменныя занятія, какъ на предпочтительный дипломъ для начальствованія!»! Чтобы представительство государства было въ правильномъ соотношеніи съ добродѣтелью и заслугами, необходимо, по мнѣнію Борка, чтобы въ немъ были представлены и таланты и собственность. Таланты должны разсматриваться, какъ активный и дѣятельный принципъ, собственность же — какъ принципъ пассивный.

Боркъ былъ рѣшительнымъ противникомъ политической метафизики и революціоннаго метода политическаго творчества. «Всѣ

реформы, которыя мы произвели до сихъ поръ, — пишутъ онъ, — происходятъ изъ уваженія къ старинѣ и къ традиціи. Духъ новшества есть результатъ эгоистическаго характера и узкихъ взглядовъ. Когда презираютъ своихъ предковъ, не думаютъ и о потомствѣ». «Искусство создать новый планъ общества, обновить общество, реформировать его, какъ и всякая вообще экспериментальная наука, не можетъ быть преподано a priori; и кратко-временный опытъ также не можетъ намъ дать такого практическаго знанія, такъ какъ дѣйствительные результаты моральныхъ причинъ не всегда обнаруживаются непосредственно тотчасъ же. Правительственная наука носить настолько практическій характеръ, требуетъ столько опытности (больше опытности, чѣмъ чловѣкъ можетъ приобрести за всю свою жизнь каковы бы ни были его способности и сила его наблюдательности), что никто не долженъ, безъ чрезвычайныхъ предосторожностей, рисковать разрушить зданіе, которое могло въ теченіе вѣковъ отвѣчать, хотя бы лишь только въ сносной формѣ, общими социальнымъ цѣлямъ, или перестраивать его, не имѣя передъ глазами образцовъ и примѣровъ, польза которыхъ была бы уже испытана».

Боркъ защищалъ англійскую конституцію и предпочиталъ ее «простымъ» конституціямъ, продуктамъ революціонной абстракціи. «Простыя правительства чрезвычайно несовершенны. Если вы разсматриваете общество съ какой-нибудь одной только точки зрѣнія, вы найдете, что эти простыя политическія формы безконечно привлекательны. Каждая достигаетъ своей цѣли болѣе совершеннымъ образомъ, чѣмъ можетъ достигнуть своихъ многообразныхъ цѣлей сложная форма. Однако лучше нѣкоторое несовершенство и нѣкоторая аномалія въ цѣломъ, чѣмъ строгая заботливость въ однѣхъ частяхъ и полная небрежность въ другихъ. Лицемеръ находитъ себѣ удовлетвореніе въ возвышенныхъ спекуляціяхъ. Такъ какъ онъ не намѣревается идти далѣе чисто теоретическихъ положеній, то ему ничего не стоитъ исповѣдывать самую великолѣпную теорію. Однако люди этой категоріи такъ заняты своими теоріями о правахъ чловѣка, что они совершенно забываютъ натуру чловѣческую». «Уступая требованіямъ разума, французскіе революціонеры пожертвовали семьею для чловѣчества, прошлымъ для настоящаго. Между тѣмъ все поколѣнія солидарны. Мы — наследники нашихъ предковъ, и мы не должны проматывать нашего наследія: благодаря легкости въ перемѣнѣ государственныхъ формъ, слѣдующей неустойчивому капризу во-

ображенія и моды, непрерывность цѣпи, соединяющей общество, разрушается. Ни одно поколѣніе не связано съ другимъ поколѣніемъ, и жизнь человѣческая становится не дороже жизни лѣтнихъ мухъ».

Боркъ, однако, не былъ реакціонеромъ и противникомъ какого бы то ни было измѣненія въ политическомъ стрѣ; но онъ являлся сторонникомъ умѣренной реформы. «Воодушевленный и великодушный теоретикъ можетъ желать созданія общества иначе устроеннаго, чѣмъ то, которое онъ нашель, но настоящій политическій дѣятель всегда соображаетъ о томъ, какъ лучше использовать уже существующій матеріаль. Склонность къ сохраненію, соединенная со способностью къ улучшенію, — вотъ мой идеаль государственнаго человѣка. Все остальное отноется къ пошлымъ возрѣніямъ и къ опаснымъ опытамъ. Совѣтъ иное дѣло — въ одно и то же время и сохранять и реформировать. Когда сохраняютъ старое учрежденіе въ его полезныхъ частяхъ, то всякія добавленія должны быть приспособлены къ тому, что сохраняютъ; въ этомъ случаѣ нужно приложить къ дѣлу много уметвенной силы, настойчивую и твердую внимательность, различныя способности сравненія и комбинированія и умъ, оплодотворенный опытомъ».

Боркъ былъ врагомъ не столько абстрактныхъ теорій, сколько революціонныхъ софизмовъ. «Я не хочу унижать теоріи и умозрѣнія, — писалъ онъ, — ибо это значило бы унижить самъ разумъ. Нѣтъ, всякій разъ, какъ я борюсь противъ теоріи, я борюсь противъ нее, какъ противъ слабой, ошибочной, ложной, неосновательной, несовершенной; и одно изъ средствъ открыть, что это ложная теорія, — сблизить ее съ опытомъ. Вотъ пробный камень для всѣхъ теорій, касающихся человѣка и человѣческихъ дѣлъ».

Англичане, вообще враждебно относящіеся ко всякимъ политическимъ спекуляціямъ, съ самаго начала французской революціи недовѣрчиво относились къ Франціи. Казни времени Конвента и духъ завоеваній, овладѣвшій французами въ эпоху Директоріи, окончательно оттолкнули тѣхъ, кто еще колебался до того времени. Премьеръ - министръ Питтъ рѣшительно принялъ сторону Борка. Боркъ представлялъ собою для англичанъ любовь ко всему, что существуетъ, какъ созданіе прошлыхъ поколѣній, — къ религіи, къ правительству, къ обычаямъ страны, въ рѣзкой противоположности съ Годвиномъ, пропитаннымъ доктринами энциклопедистовъ и презиравшимъ настоящее и прошлое для будущаго. Большинство англичанъ восприняло точку зрѣнія Борка. Эта точка зрѣнія прекрасно высказана однимъ изъ историковъ

англійской мысли XVIII вѣка, Лесли Стифеномъ: «Сложная организація общества можетъ быть понята только послѣ внимательнаго изученія хода исторической эволюціи. Его сокровенная структура, а также каждая его даже и поверхностная особенность носить отпечатокъ силъ, дѣйствовавшихъ съ первыхъ эпохъ мысли... Человѣкъ, какимъ мы его видимъ нынѣ, есть продуктъ безчисленныхъ силъ, характеръ его былъ переданъ въ наслѣдство долгимъ рядомъ предковъ... Большая заслуга Борка заключалась въ томъ, что онъ понялъ эти истины, которыя стали теперь общимъ мѣстомъ, и увидѣлъ ихъ отношеніе къ политическому умозрѣнію. Полное непониманіе ихъ важности характеризуетъ всю революціонную школу». Во время раскола Борка съ радикальнымъ крыломъ виговъ съ Чарльзомъ Фоксомъ во главѣ, торжество осталось за Боркомъ. Напрасно Маккинтошъ въ своихъ демократическихъ *Vindiciae Gallicae* и Пэнъ въ своихъ республиканскихъ *Правахъ человека* пытались привлечь общественное мнѣніе на сторону революціонеровъ; большинство виговъ и общество пошло за Боркомъ, и противореволюціонное теченіе окончательно восторжествовало въ Англіи почти на сорокъ лѣтъ.

IV. Радикализмъ въ ученіи Бентама.

Несмотря на утвердившееся къ началу XIX вѣка горжество стараго торизма Блекетоповской школы, демократическая доктрина не исчезла въ Англіи, а продолжала подъ дѣйствіемъ социальныхъ причинъ развиваться, пока, наконецъ, не восторжествовала въ началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка, когда окончательно выросъ новый социально-экономическій классъ, потребовавшій себѣ мѣста въ политическомъ организмѣ.

Въ 1793 году была организована радикальная партія; эта партія черезъ посредство «Общества сношеній» вступила въ связь съ французскими республиканцами, но англійское правительство стало преслѣдовать ее и векорѣ ее распустило. Однако отдѣльные члены ея сохранили свои радикальныя убѣжденія, въ началѣ XIX вѣка мало-по-малу снова объединились и приобрѣли достаточное вліяніе, чтобы принять участіе въ политической жизни. Умственнымъ идеологическимъ центромъ радикальной партіи была группа учениковъ Бентама, подъ конецъ своей жизни сдѣлавшагося убѣжденнымъ демократомъ, такъ называемая утилитарная школа. Хотя демократическая программа провозглашена была въ Англіи же въ 80-ые годы XVIII вѣка, однако одновременно

не было создано демократической доктрины, такъ какъ въ радикальной партіи съ самаго начала недоставало мыслителя, который сумѣлъ бы поставить доктрину на истинно-философскую высоту. Такіе философы - радикалы появились лишь въ XIX вѣкѣ въ лицѣ Бентама, Джемса и Джона Миллей и вообще представителей утилитарной школы.

Бентамъ.

Иеремія Бентамъ (1748 — 1832) почти семьдесятъ лѣтъ проповѣдывалъ необходимость радикальной реформы права и оказали настолько могущественное вліяніе на общественное мнѣніе въ Англіи въ первую половину XIX вѣка, что такой знатокъ англійской юридической жизни, какъ Дэйси, въ своей книгѣ объ *Отношеніяхъ между правомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ XIX вѣкѣ*, считаетъ, что вся эпоха между 1825 — 1870 гг. является періодомъ бентамизма или индивидуализма, пришедшаго на смѣну стараго торизма 1800 — 1830 гг. Громадное реформаціонное движеніе англійскаго законодательства, направленное на постепенное усовершенствованіе англійскаго права, тѣсно связано съ идеями Бентама.

Принадлежа по происхожденію къ среднему классу и обладая большимъ состояніемъ, Бентамъ получилъ въ молодости тщательное юридическое образованіе и готовился сначала къ практической юридической дѣятельности; оставивши потомъ юридическую карьеру, Бентамъ продолжалъ, однако, быть вѣренъ своимъ юридическимъ вкусамъ и посвятилъ себя дѣлу реформы права.

«Вся долгая жизнь Бентама, — пишетъ о немъ Гюйо въ своей книгѣ объ англійскомъ утилитаризмѣ, — цѣликомъ была обращена на практику: онъ принималъ интересы человѣчества къ сердцу такъ близко, какъ любой коммерсантъ интересы фирмы, гдѣ помѣщены его капиталы. Онъ пристально слѣдилъ за всѣми націями міра и посылалъ то одной, то другой свои проекты реформъ, объявляя всюду войну предрасудкамъ, устарѣлымъ обычаямъ, отжившимъ этическимъ или юридическимъ воззрѣніямъ, провозглашая, что личный интересъ есть въ то же время и истинное основаніе какъ морали, такъ и законодательства. Свидѣтель и сторонникъ французской революціи, онъ давалъ ей совѣты, повергъ на усмотрѣніе учредительнаго собранія массу часто очень практическихъ и очень вѣрныхъ совѣтовъ относительно налоговъ, судовъ, тюремъ, колоній. Конвентъ даровалъ Бентаму титулъ французскаго гражданина. Но вскорѣ лихорадочная и

стремительная смѣна событій заставила Бентама, почувствовавшего себя беспильнымъ во Франціи, направить свои силы въ другую сторону: онъ занялся Польшей, Россіей, Соединенными Штатами, предлагая имъ составленіе свода законовъ и реформъ въ области народнаго просвѣщенія. Но его неутомимая дѣятельность особенно широко развернулась въ Англіи, гдѣ онъ сталъ во главѣ партіи радикаловъ».

Бентамъ родился въ 1748 году, два года спустя послѣ неудачи послѣдней попытки провести реставрацію Стюартовъ; умеръ онъ непосредственно передъ вотумомъ Reform Act 1832 года. 84 года его жизни заполняютъ періодъ, отдѣляющій послѣднюю попытку возстановить въ Англіи дѣйствительное верховенство короля отъ начала въ Англіи современнаго демократическаго правительства. Этотъ періодъ, конечно, простирается за границы XVIII вѣка; но хотя Бентамъ жилъ почти до конца первой трети XIX вѣка, онъ по духу вполне остался сыномъ XVIII вѣка; онъ былъ въ Англіи лучшимъ представителемъ гуманитаризма и просвѣщенныхъ чувствъ той эпохи.

Бентамъ сдѣлался въ первую четверть XIX вѣка однимъ изъ столповъ радикализма, но радикально-демократическія возрѣнія его развились лишь въ позднѣйшій періодъ его жизни, въ молодости же, въ эпоху французской революціи, Бентамъ насколько къ демократамъ причисленъ быть не можетъ. Правда, одно время и въ началѣ революціи, онъ какъ будто склонился къ республикачеству, но это продолжалось недолго. Неудержимое краснорѣчіе ораторовъ Конституанты его раздражаетъ. Въ конфискаціи церковныхъ имуществъ, въ возстановленіи имущества потомкамъ протестантовъ, подвергшихся преслѣдованіямъ при Людовикѣ XIV, онъ видѣлъ нарушеніе принципа безопасности. Онъ готовъ былъ даже одно время присоединиться къ лигѣ борьбы противъ обществъ революціонной пропаганды въ Англіи. Онъ безусловно отрицательно относился къ деклараціямъ правъ чело- вѣка и написалъ даже сочиненіе (въ 1795 году) *Анархическіе софизмы или разсмотрѣніе декларацій правъ во время французской революціи*. Декларации, по мнѣнію Бентама, прежде всего бесполезны, такъ какъ власть монарха можно ограничить и конституціоннымъ кодексомъ, а власть учредительнаго органа нельзя ограничить и деклараціей. Далѣе — самъ тонъ декларацій ложенъ; въ нихъ провозглашается, какъ существующее («люди равны между собой», «законы не могутъ отчуждать свободы гра-

Критика
деклараций
правъ.

ждать»), то, что по мысли составителей деклараціи лишь должно быть. Въ этомъ тонѣ сказывается различіе между «разумнымъ цензоромъ» законовъ (по выраженію Бентама) и анархистомъ; первый допускаетъ существованіе законовъ, которыхъ онъ не одобряетъ, и требуетъ ихъ отмены, второй (анархистъ) отрицаетъ само ихъ существованіе, и свою волю и свой капризъ объявляетъ закономъ, предъ которымъ все человѣчество должно преклониться. Декларации провозглашаютъ существованіе четырехъ естественныхъ правъ: свободы, собственности, безопасности и сопротивленія насилію. Однако, все эти права, если ихъ понимать не какъ созданіе законовъ, а какъ естественную и неотъемлемую принадлежность всехъ людей, носятъ анархическій характеръ. Возьмемъ для примѣра свободу. Нѣтъ закона, который не представлялъ бы собою ограниченія свободы и, слѣдовательно, не нарушалъ бы мнимаго естественнаго права свободы. Декларация правъ, правда, различаетъ между свободой и злоупотребленіемъ ею, но кто будетъ устанавливать это различіе? «Представляютъ будущимъ законодателямъ заботу опредѣлить, что должно разсматриваться, какъ злоупотребленіе свободой. Какое же значеніе имѣетъ преграда, которая устанавливается свободнымъ усмотрѣніемъ правительства?»—Разсмотримъ далѣе собственность. Собственность опредѣляется закономъ. Принципъ естественнаго права собственности сдѣлался бы яснымъ, если бы допустить, что все права собственности и все виды собственности, которою владѣетъ индивидъ, не обращая вниманія на то, какъ онъ владѣетъ, неотчуждаемы и не могутъ быть отняты никакимъ закономъ. Но нѣтъ налоговъ, штрафовъ, которые не являлись бы нарушеніемъ права собственности и не оправдывали бы, слѣдовательно, сопротивленія и возстанія. Что касается безопасности, то всякій законъ возлагаетъ принужденіе, и угроза наказаніемъ есть покушеніе на безопасность. Но особенно мятежническій, антисоціальный и анархическій характеръ теоріи индивидуальныхъ естественныхъ правъ сказывается въ четвертомъ естественномъ правѣ, въ правѣ на сопротивленіе угнетенію.

Выработка демократической доктрины.

Относясь вначалѣ критически къ революціоннымъ и демократическимъ доктринамъ, Бентамъ впоследствии, подъ влияніемъ неудачъ со своими филантропическими и реформаторскими проектами, началъ отрицательно смотрѣть на существующій политическій строй, критиковать монархическую и аристократическую форму правленія и, наконецъ, не безъ влияния Джемса Милля

(отца извѣтнаго философа Джона Стюарта Милля), сдѣлался послѣдовательнымъ и крайнимъ демократомъ. Въ 1808 году Бентамъ знакомится съ Джемсомъ Миллемъ. Потомъ и Бентамъ, и Джемсъ Милль сближаются съ демократами Бердеттомъ и Горномъ Тукомъ. *Эдинбургское Обозрѣнiе* является въ это время органомъ проведенiя ихъ радикально-демократическихъ идей. Первое время, настаивая на реформѣ избирательнаго права, они не доходятъ до всеобщаго избирательнаго права и требуютъ лишь избирательнаго права для всѣхъ, кто платитъ прямыя налоги. Бентамъ формулируетъ рядъ демократическихъ требованiй въ *Катехизисѣ парламентарной реформы*. Въ 1811 году онъ сходитя съ майоромъ Картрайтомъ, первымъ англiйскимъ теоретикомъ всеобщаго избирательнаго права. Картрайтъ основываетъ «Общество друзей парламентарной реформы» и «Клубъ Гемпамбдена. Возникаетъ «радикализмъ». Въ 1811 году Бентамъ и Бердеттъ требуютъ уже всеобщаго избирательнаго права. Бентамъ и Джемсъ Милль придаютъ въ то же время радикализму философскiй характеръ. Они разсчитываютъ установленiемъ всеобщаго избирательнаго права такимъ образомъ организовать представительный режимъ, что общiй интересъ и гармонiя интересовъ правящихъ съ интересами управляемыхъ явятся неизбежными результатами устройства законодательной власти.

Бентамъ не былъ великимъ филантропомъ, такъ какъ его филантропическiя затѣи кончались неудачей, онъ не былъ и великимъ философомъ, ибо его утилитаризмъ является наивною и слабой философскою системою, но онъ былъ крупнымъ реформаторомъ права. Онъ проникся той основной мыслью, что законы, регулирующiе внѣшнiя дѣйствiя человѣческихъ массъ, должны и могутъ опредѣляться принципомъ наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, какъ это счастье, въ своихъ общихъ и внѣшнихъ формахъ, понимается въ данномъ обществѣ. Основныя идеи Бентама относительно реформы права могутъ быть резюмированы, какъ ихъ правильно сформулировалъ Дайси, въ трехъ главныхъ принципахъ съ двумя выводами изъ нихъ. Первый основной принципъ бентамизма есть взглядъ на законодательство, какъ на науку. Наука эта покоится на основныхъ чертахъ человѣческой природы, и искусство законодательства, для своего успѣха, должно являться приложенiемъ законодательныхъ принциповъ. Второй принципъ бентамизма есть пониманiе истинной цѣли законодательства въ осуществленiи принципа пользы; другими словами, истинная

Бентамизмъ; его основные принципы.

цѣль всякаго закона, по Бентаму, — благоприятствовать наибольшему счастью наибольшаго числа людей. Третій принципъ — каждый является главнымъ и, по общему правилу, лучшимъ судьей своего собственнаго счастья; вслѣдствіе этого законодательство должно стремиться устранить всѣ ограниченія свободы дѣйствія индивида, за исключеніемъ лишь тѣхъ ограниченій, которыя необходимы, чтобы гарантировать подобную же свободу другихъ лицъ. Изъ этихъ трехъ руководящихъ принциповъ бентамоваго законодательнаго утилитаризма: научнаго характера хорошаго законодательства, принципа пользы и вѣры въ *laissez-faire*, английскіе индивидуалисты, съ Бентамомъ во главѣ, вывели, по словамъ Дайси, два слѣдующія послѣдствія: законъ долженъ расширить сферу договоровъ и усилить изъ нихъ вытекающую обязательность; что же касается до обладанія политической властью, то всякій человѣкъ долженъ считаться за одного и только за одного. Этотъ послѣдній выводъ и привелъ утилитарную доктрину Бентама, сначала, какъ мы видѣли, враждебную демократизму, къ принятію демократическаго идеала.

Къ демократическимъ воззрѣніямъ пришелъ Бентамъ, съ одной стороны, вслѣдствіе количественнаго анализа пользы (наибольшее, — количественно, — счастье наибольшаго, — то же количественно, — числа людей), съ другой, подъ вліяніемъ убѣжденія, что каждый стремится къ своему личному интересу. Поэтому, гдѣ власть находится въ рукахъ меньшинства, тамъ не могутъ быть соблюдены интересы большинства; для этого необходимо, чтобы сама власть находилась въ рукахъ большинства. Бентамъ воображалъ, что онъ разрѣшитъ всѣ вопросы счастья, пользы, политики, примѣняя простой подсчетъ количества, не обращая вниманія на качество. «Я прежде всего руководился, — пишетъ онъ, — самою точною изъ всѣхъ наукъ, ариметикой». Для достиженія цѣлей государства необходимо, чтобы правители обладали надлежащей способностью, что лучше всего будетъ достигнуто предоставленіемъ выбора правителей массѣ народа. Единственная форма правленія, имѣющая въ виду общее счастье, есть демократія; при всякой другой формѣ правленія правители преслѣдуютъ интересы меньшинства, ибо всякій правитель имѣетъ въ виду лишь свою выгоду. Такъ это бываетъ и въ монархіи. Бентамъ не находитъ словъ, чтобы заклеить монархическій образъ правленія. Цѣлью государства здѣсь является счастье одного лишь лица: монархъ получаетъ выгоды въ ущербъ интересамъ своихъ подданныхъ и дѣлается поэтому

естественнымъ врагомъ своихъ подданныхъ. Монархъ есть лишь рабовладѣлецъ въ широкихъ размѣрахъ, а народъ сводится на положеніе стада и состоитъ изъ обманутыхъ, оскорбляемыхъ и глупцовъ. Хорошей монархіи не можетъ быть; и ограниченная монархіа отличается отъ неограниченной только тѣмъ, что она достигаетъ тѣхъ же цѣлей посредствомъ обмана.

Политическій идеалъ Бентама въ этотъ періодъ его развитія очень простъ. Въ государствѣ должна неограниченно и безъ всякихъ задержекъ господствовать воля народа, т.-е. воля большинства; при этомъ власть большинства осуществляется или непосредственно или черезъ выборныхъ депутатовъ. Непосредственно большинству принадлежитъ учредительная власть; всѣ остальные функціи власти осуществляются представителями. Это представительное собраніе должно наиболѣе чистымъ образомъ осуществлять волю большинства народа; оно должно избираться всеобщимъ, равнымъ, тайнымъ и ежегоднымъ голосованіемъ всего народа; всеобщность избирательнаго права должна простираться и на женщинъ, исключеніе которыхъ изъ политической жизни основывается лишь на предразсудкѣ. Представительное собраніе должно быть единымъ: Бентамъ всѣми силами возставалъ противъ двухпалатной системы, видя въ ней нарушеніе количественнаго арифметическаго принципа въ образованіи воли народа. Если власть должна принадлежать арифметическому большинству людей, понятно, что отвергаются всякія учрежденія, служація для ограниченія власти представительнаго собранія; оно должно быть всемогущимъ и неограниченнымъ. Раздѣленіе власти нашло въ Бентамѣ своего рѣшительнаго и непримиримаго противника.

Политическій идеалъ Бентама.

Политическій радикализмъ, зарождающійся въ Англіи въ концѣ XVIII вѣка и утверждающійся въ первой половинѣ XIX вѣка, явился естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ образованія новаго класса въ англійскомъ обществѣ. Возникаетъ новый промышленный классъ, интересы котораго сталкиваются съ интересами старой феодальной аристократіи; сила его и значеніе все больше возрастаютъ, и идеологическимъ выраженіемъ его стремленій явилось движеніе въ пользу демократическихъ реформъ. Конечно, демократическій радикализмъ начала XIX вѣка былъ вполне созданіемъ и отраженіемъ средняго торгово-промышленнаго класса. Эта тѣсная связь съ идеологіей средняго класса прекрасно отмѣчена Дайей даже относительно главнаго представителя и, можно сказать, идейнаго творца философскаго радика-

Историческое значеніе англійскаго радикализма.

лизма, Иереміи Бентама. «Хотя Бентамъ, — пишетъ Дэйси, — отличался отъ своихъ согражданъ своимъ гешіемъ, своимъ про-свѣщеніемъ и рвеніемъ къ общественному благу, однако онъ принадлежалъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это видѣлъ онъ самъ и его противники, къ среднему классу. Онъ раздѣлялъ лучшія идеи этого класса. Когда онъ вѣрилъ, что цѣль права, какъ и цѣль жизни, заключается въ содѣйствіи наибольшему счастью наибольшаго числа людей, онъ разумѣлъ подъ счастьемъ не сложное понятіе блаженства, а то соединеніе честной и трудолюбивой жизни и пользованія достаткомъ и матеріальнымъ комфортомъ, которое, какъ извѣстно, есть предметъ желаній средняго англичанина. Онъ говорилъ языкомъ своихъ соотечественниковъ, и люди средняго класса, къ которымъ онъ обращался, понимали, что онъ хочетъ сказать».

А. Яценко.

00072137

ЮФ СПбГУ